

ДВИЖЕНИЕ МАЗДАКА И ВОССТАНИЕ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИРАКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VI в. н. э.

Ю. А. Солодухо

1

В конце V и первой трети VI в. н. э. Иранское государство было потрясено сильным революционным движением, известным в истории Ирана под названием маздакитского, по имени его руководителя—жреца Маздака, сына Бамдада. Имея в основе религиозно-этическое учение некоего Зарадушта, сына Хорагана, уроженца области Паса¹, жившего за двести лет до того, в III в. н. э.², маздакизм затем выплился в широкое социальное движение народных низов Ирана против знати и высшей земельной аристократии.

Социальные принципы учения Маздака сводились в основном к следующему: все люди созданы одинаково, а потому является вопиющей несправедливостью, если одни люди обладают большим богатством и большим количеством жен, нежели другие; неравенство во владении материальными благами и женщинами является главной причиной вражды между людьми; следовательно, необходимо уничтожить это неравенство—отнять у богатых их владения и многочисленных жен и разделить отнятое у богатых между бедными³.

Требование Маздака отнять у богатых их земельные владения, богатства и многочисленных жен и разделить отнятое у богатых между бедными имело громадный успех и привлекло к нему массу приверженцев. Маздакитское движение приняло скоро широчайшие размеры. Арабский историк Табари говорит об этом движении как о всеобщем бедствии, подобных которому история еще не знала: «Все люди находились во всеобщем несчастье; никогда еще не слышано было о чем-либо подобном». Причиной быстрого распространения маздакизма являлся резкий контраст между богатством аристократии и жречества и нищетою масс, особенно резко выступивший во время и после семилетнего голода при царе Перозе (459—484).

Распространению движения Маздака способствовало вначале благоприятное отношение к нему царя Кавада I (488—531), проводшего даже ряд социальных мероприятий в духе маздакизма. Это отношение Кавада к маздакизму определялось, понятно, не религиозными побуждениями

¹ Pasā или Fasā, находится на востоке Ирана—в Парсе (Pars).

² «Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden». Aus der arabischen Chronik des Tabari übersetzt und mit ausführlichen Erläuterungen und Ergänzungen versehen von Th. Nöldeke. Leyden, 1879, стр. 456; Arthur Christensen, Le règne du roi Kawadh I et le communisme Mazdakite. Kobenhavn, 1925. стр. 99.

³ Н е л ь д е к е, op. cit., стр. 141, стр. 99.

и не его симпатиями к проповедуемым Маздаком идеям о равенстве всех людей, а стремлением использовать революционное движение широких масс для сокрушения могущества высшей знати, стремившейся ограничить его власть в свою пользу. Отнятием земельных владений и разрушением семейных связей Кавад рассчитывал нанести знати сокрушительный удар и в корне подорвать ее силу; одновременно, благодаря учению Маздака, лишилось своего влияния и жречество, тесно связанное со знатью и являвшееся ее верной опорой.

В начале своей борьбы со знатью Кавад оказался слабее ее. Знать в союзе с магами низложила Кавада (496) и возвела на престол его брата Джамаспа. Однако при помощи эфталитов Каваду вскоре (498 или 499) удалось вновь овладеть престолом и восстановить свою власть. По возвращении к власти Кавад жестоко расправился с главными виновниками своего низложения, и много представителей высшей знати заплатились своей головой. Тем не менее с этого времени Кавад стремился, видимо, к примирению со знатью и со жречеством. Ему это было необходимо и для того, чтобы быть в состоянии предпринять свои длительные войны с Византией: со сплошь недовольной знатью и недовольным жречеством в тылу вряд ли Кавад сумел бы вести эти войны. Стремление же Кавада к примирению со знатью и жречеством тем самым определило в значительной степени его отношение к маздакитскому движению по возвращении к власти: нет никаких данных, которые бы свидетельствовали об оказании им маздакизму покровительства и впредь.

Впоследствии все более распространявшееся маздакитское движение пришло в столкновение и с самим Кавадом, в частности в вопросе о престолонаследнике. Результатом этого столкновения явилась кровавая расправа над маздакитами, произведенная в конце 528 или в начале 529 г. самим ли Кавадом, или с его согласия его сыном и будущим преемником Хосроем I Ануширваном (531—579). По вступлении своем на престол Хосрой произвел по всей стране массовое истребление приверженцев маздакизма¹.

Все эти события находили, видимо, свое сильное отражение и в еврейском обществе Ирака, где вызвали соответствующие социальные и политические потрясения. Об этом довольно ясно говорит сохранившееся в древней еврейской хронике начала IX в. (*Seder Olam Zutta*) повествование, написанное на арамейском языке, о крупных политических событиях, имевших место в еврейском обществе Ирака на протяжении свыше 20 лет, начиная с 508 г. События разукрашены многими добавлениями легендарного свойства. Но это отнюдь не мешает нам и через эти легендарные узоры разглядеть основное ядро повествования, заключающее в себе несомненные исторические факты из реальной действительности еврейского общества Ирака.

Повествование представляет собой большую ценность как для истории еврейского общества Ирака, так и для истории Ирана и, в частности, истории маздакитского движения. Правильная интерпретация данного отрывка и верный анализ изложенных в нем событий имеют большое значение.

2

В конце упомянутой хроники мы находим следующее подробное повествование: «И умер [экиларх] Рав-Кагана и стал после него [экилархом] р. Гуна-Мар, его брат... И умер [экиларх Гуна-Мар II] и стал после него Рав-Гуна... сын Рав-Каганы... С ним кончились [экилархи] из дома Давидова. И так это [случилось]: жена экиларха Рав-Гуна была дочерью

¹ Нельдеке, *op. cit.*, стр. 462.

главы академии р. Ханина; р. Ханина большой человек был. Отлучился и пошел судья экзиларха в город главы академии р. Ханины и хотел сделать чтение [лекцию по талмудическому праву], но не допустил его глава академии [р. Ханина]. Пришел [судья] к экзиларху [и рассказал ему о случившемся]. Приказал экзиларх послать и привести главу академии; приказал продержать его у ворот города всю ночь. На завтра привели его [к экзиларху]. Приказал экзиларх, и вырвали все волосы бороды его; и приказал не давать ему пристанища. Пошел глава академии, сел в большой синагоге и плакал; наполнил чашу слезами и выпил. Случилась смерть в доме экзиларха, и умерли все они в одну ночь; остался Мар-Зутра в чреве матери своей. Видел р. Ханина во сне, что вошел он в сад кедров, взял топор и срубил все кедры, которые были в нем; остался один кедр маленький под землей; поднял [он] топор, чтобы срубить его. Пришел человек, красный старец, и сказал ему: «Я—Давид, царь Израиля, и этот сад—мой сад,—ты, что надо было тебе в нем; зачем срубил ты его?» Нанес ему сильный удар, и повернулось лицо его [р. Ханины] назад. Проснулся [р. Ханина и видит]: повернуто лицо его назад. Спросил он ученых: «Остался из дома Давида [хоть] один [человек]?» Ответили ему: «Не остался из них ни один человек, кроме дочери твоей, которая беременна». Пошел [р. Ханина] и стерег у дверей ее в дождь и в солнце, пока родила она мальчика. Когда родила она, выпрямилось лицо его [и стало] как обыкновенно. Взял он его [ребенка] к себе, учил его и сделал его человеком великим. Один зять был в доме Давидове, и р. Пахда было имя его. Когда увидел он, что вымер дом Давида, он взял деньги, подкупил царя, и сделал его [царь] главой. Когда стал Мар-Зутра пятнадцатилетним, пошел он и глава академии к царю и отнял главенство у р. Пахды. А тот р. Пахда—вошла ему муха в ноздрю его, и он опух до того, что умер. Поэтому изображают [экзилархи] из дома Давидова муху на печати их.

И был Мар-Зутра экзилархом двадцать лет, а р. Ханина, р. Сама и р. Исаак—ученые его. В его дни был убит р. Исаак, глава академии. В тот день выступил экзиларх Мар-Зутра¹ великий, память нашего князя [да будет сохранена] в жизни мира будущего. Показался ему столб огненный. Выступили с ним четыреста человек и вступили в войну с персами; овладел государством и взимал подушную подать семь лет. В конце семи лет грешили dntq, которые были с ним, и застали их, что пьют не-еврейское вино и блудят в домах царей персов. Исчез столб огненный, который все увеличивался впереди него. Взяли персы, убили его и повесили его—экзиларха Мар-Зутра и главу академии—на мосту Махозы. Приказал царь, и разграбили город экзиларха. И в тот день, когда был убит экзиларх Мар-Зутра, память князя нашего да будет благословенна, родился у него сын, и назвали его Мар-Зутрой по имени отца. И убежали [все] из дома Давидова. Тридцать лет не мог Мар-Агонаи открыть лицо², а Мар-Гиза³, брат главы дома Негилаи, пошел и поселился в Арам-Саба.

¹ В сохранившихся текстах повествования отсутствуют в этом месте слова «Мар-Зутра»; вместо них имеется явно искаженное слово «m j d», лишненное здесь всякого смысла. Историки по-разному пытались отгадать слово, которое имелось здесь в первоначальном тексте. Но все их догадки фантастичны, а исправления произвольны. Мы считаем, что слово «m j d» произошло по вине переписчиков от аббревиатуры слов Мар-Зутра—МЗ. Еврейская буква «заин» по своему начертанию весьма похожа на букву «далет» и легко может быть превращена в нее. Буква же «под» произошла здесь от двойного апострофа, который обычно ставится в еврейской аббревиатуре сверху между последними буквами.

Как мы увидим далее, переписчик отрывка перепутал буквы «далет» и «заин» еще и в другом месте, где он опять написал «далет» вместо «заин».

² Открыто исполнять свои обязанности главы еврейского общества.

³ Один из руководителей академии.

Мар-Зутра, сын экзиларха Мар-Зутры, переселился в Палестину, где сделали его главой ученых. В год 452 от разрушения храма, 4280 от сотворения мира¹, поехал [Мар-Зутра, сын экзиларха Мар-Зутры] в Палестину и стал главой [коллегии ученых]².

3

Исходной точкой для определения времени событий, о которых повествует хроника, является указание одного надежного древнего источника конца X в. («Послание Шериры-Гаона к общине Кайруана») о том, что экзиларх Рав-Гуна умер в 819 г. селевкидской эры = 508 г. н. э.³ Грец⁴, а за ним Лацарус⁵ и ряд других исследователей относят это сообщение Шериры Гаона к тому именно Рав-Гуне, о столкновении которого со своим тестем повествует наша хроника, следовательно, первоначальной датой всех этих событий является 508 год. Правда, другой историк—выдающийся авторитет в вопросах хронологии талмудического периода Исаак Галеви—относит вышеприведенное указание Шериры-Гаона о смерти экзиларха Рав-Гуны к другому экзиларху того же имени—к предшественнику Рав-Гуны, зятя Ханины⁶. Последний же Рав-Гуна умер, по предположениям Галеви, только спустя 10—15 лет—примерно в 523 г. Но, во-первых, доводы Галеви в пользу его гипотезы совсем не убедительны, во-вторых, — если даже и согласимся с предположением Галеви о том, что Шерира-Гаон и хроника говорят о разных экзилархах, то и тогда нет необходимости отодвигать столкновение экзиларха с тестем на целых 10—15 лет: это столкновение могло произойти в первый же год возведения экзиларха в этот сан; последнее даже более вероятно. Вопрос о времени первого события может, таким образом, считаться вполне решенным.

Гораздо труднее установить время восстания еврейского населения Ирака против иранского правительства и образования самостоятельного еврейского государства. Содержащиеся в хронике хронологические даты противоречивы. Указание хроника о том, что сын повешенного экзиларха Мар-Зутры прибыл после смерти отца в Палестину («в 452 г. от разрушения храма, в 4280 от сотворения мира» (520 г. н. э.)), не согласуется с предыдущим указанием о том, что «Мар-Зутра был экзилархом 20 лет». 520 год, как крайний предел всех событий, о которых рассказывает хроника, не соответствует, понятно, также сообщению хроника о том, что Мар-Зутра родился уже после смерти отца, экзиларха Рав-Гуна. Но если это противоречие может быть вполне сглажено отнесением последнего сообщения к тем легендарным прикрасам хрониста, о которых мы говорили выше, в действительности же в день смерти экзиларха Рав-Гуны Мар-Зутре было уже 10—12 лет,—то противоречие между сообщением о прибытии Мар-Зутры, сына экзиларха Мар-Зутры, в Палестину в 520 г. и сообщением о двадцатилетнем пребывании Мар-Зутры на посту экзиларха является совершенно

¹ =520 г. н. э. Евреи, равно как и сирийцы, считают разрушение храма двумя годами раньше, именно в 68 г. нашего летоисчисления =3828 г. от сотворения мира.

² *Anecdota Oxoniensia. Mediaeval Jewish chronicles and chronological notes* edited from printed books and manuscripts by Ad. Neubauer. Oxford, 1895, II, стр. 72, 73.

³ *Iggereth rab Šerira Gaon*, изд. Д.-Б. Гольдберга, Майнц, 1873, стр. 38.

⁴ Г. Г р е т ц, *История евреев*, перевод со второго немецкого издания 1871 г. СПб, изд. Общества распространения просвещения между евреями в России, 1883, том пятый, стр. 326.

⁵ F. L a z a r u s, *Die Häupter der Vertriebenen. Beiträge zu einer Geschichte der Exilsfürsten in Babylonien unter den Arsakiden und Sassaniden*. Frankfurt am Main, 1890 («*Jahrbücher für jüdische Geschichte und Litteratur*», herausg. von Dr. N. Brüll, X, стр. 122, 124).

⁶ I. A. H a l e v y, *Doroth harišonim*, III. Presburg, 1897, стр. 41, 42.

очевидным и ничем не устраненным. От 508 г.—года смерти Рав-Гуны—до 520 г.—промежуток времени всего в 12 лет. За это время успел быть экилархом некоторое время и Пахда. На долю Мар-Зутры остается, таким образом, не более каких-нибудь 7—8 лет, но никак не 20.

Грец, тем не менее, считает дату 520 г. правильной и в соответствии с ней строит хронологию всех событий данного повествования, втиснув в прокрустово ложе 12—13 лет все эти события. Основное же противоречие, на которое мы указывали, Грец устраняет тем, что слова хроник: «И был Мар-Зутра экилархом 20 лет»—он относит не к продолжительности пребывания Мар-Зутры на посту экиларха, а к продолжительности его жизни; время же его пребывания на посту экиларха он ограничивает всего семью годами. Но так как Мар-Зутра стал экилархом, когда ему уже минуло 15 лет, а $15+7=22$, то Грецу приходится к слову «двадцать» прибавить слово «два».

Но в тексте ясно сказано: «И был Мар-Зутра экилархом 20 лет». Кроме того, нельзя допустить, чтобы пятнадцатилетний юноша Мар-Зутра сразу по вступлении в исполнение обязанностей экиларха поднял восстание против иранского царя, который только что сместил по его ходатайству экиларха Пахда и утвердил его в этом сане. Такое восстание со стороны Мар-Зутры мыслимо только спустя несколько лет, после укрепления его положения и усиления влияния в еврейском обществе. Но если Грец из желания во что бы то ни стало сохранить дату «520 г.» обращается слишком вольно с остальным текстом повествования и позволяет себе вносить в него коренные изменения, то Исаак Галеви, наоборот, стремится сохранить все подробности повествования, вплоть до явно легендарных. Исходя из этого своего желания, а также из приведенного выше предположения о том, что отцом экиларха Мар-Зутры был не тот Рав-Гуна, который умер в 508 г., а другой, занимавший пост экиларха в промежутке времени между 508—523 гг., Галеви отодвигает время восстания еврейского населения Ирака на целых 40 лет—до 551 г., а время поражения Мар-Зутры и падения основанного им самостоятельного еврейского государства он определяет 558 годом.

Вся эта искусно построенная Галеви концепция, нужная ему для подтверждения его предположений о большей длительности сабурейского периода, совершенно неприемлема: середина царствования одного из могущественнейших представителей династии Сасанидов—Хосроя I Ануширвана, когда сасанидская держава достигла своего высшего расцвета, менее всего могла подходить для такого восстания. Нет никаких данных об особых преследованиях против евреев во время царствования Хосроя I Ануширвана; следовательно, не было никаких особых причин, которые побудили бы евреев восстать против него.

На основании анализа текста повествования, а также и по ряду других соображений мы считаем, что поражение экиларха Мар-Зутры и падение основанного им самостоятельного еврейского государства в Ираке следует относить к 529 или 530 г., т. е. ко времени, непосредственно следующему за резней маздакитов, произведенной царем Кавадом или с его согласия его сыном и будущим преемником—Хосроем.

Буржуазные исследователи еврейской истории пытаются представить рассматриваемое восстание еврейского населения Ирака как движение, направленное против маздакизма. Ссылаясь на некоторые арабские источники, приписывающие маздакитскому движению требование общности женщин, Грец, например, безапелляционно заявляет: «Во всяком случае,

движение совпадает с царствованием Кавада, что напоминает нам дикий коммунизм женщин, проповедуемый Маздаком под покровительством Кавада»¹. «Восстание было, по всей вероятности, организовано для противодействия невыносимому для евреев коммунизму»². «Евреи и христиане тоже, понятно, не были пощажены коммунистическим поветрием; если от указанного грабежа зендиков страдали только богатые, то общность жен должна была самым чувствительным образом отозваться на всех. Целомудрие и святость брака—добродетели, всегда свойственные евреям,—еще больше укрепились среди них под влиянием талмудического учения. Они не могли допустить, чтобы их дочери и жены подвергались каждую минуту опасности быть опозоренными и чтобы чистота их семейной жизни, оберегаемая ими, как зеница ока, была запятнана. Это, повидимому, и побудило их оказать вооруженное сопротивление дерзким покушениям зендиков на их семейную чистоту»³. Концепция об антикоммунистическом, антимаздакитском характере рассматриваемого восстания поддерживается большинством буржуазных исследователей еврейской истории: «Мар-Зутра учредил организацию с целью противодействовать введению коммунизма»⁴; «больше всего этот социальный переворот [движение Маздака] отозвался на участи евреев. В тесной связи с этим стоит восстание вавилонских евреев под главенством Мар-Зутры II»⁵. «Мар-Зутра взялся за оружие против персов и организовал восстание, чтобы воспротивиться внедрению коммунизма»⁶. Таковы утверждения этих исследователей.

Но почти все современные, даже буржуазные исследователи маздакитского движения совершенно отвергают приписываемое некоторыми арабскими историками этому движению стремление к общности женщин; это утверждение признается теперь лишь вымыслом историков, враждебно относившихся к маздакитскому революционному движению, так как нет никаких данных, которые бы подтвердили в какой-либо мере это обвинение, неизменно появлявшееся на свет божий против тех, кто осмеливался покушаться на институт частной собственности.

Нельдеке по этому поводу заявляет: «что брак был им [Маздаком] отменен принципиально, арабские историки прямо не утверждают; но насильственное отнятие жен у тех, кто их имел слишком много, и уничтожение имущественного и классового неравенства неизбежно вело к этому: длительное имущественное равенство мыслимо только при общности имущества, т. е. при отмене всякого личного имущества; кто же желает уничтожить личную собственность, тот должен уничтожить право наследства и тесно связанную с этим семью. О том, что уничтожение семьи маздакитами зашло местами уже довольно далеко, свидетельствуют не столько слова арабских историков: «Скоро ребенок не знал, кто его отец»,—это могло быть преувеличением или необоснованным заключением,—сколько распоряжение Хосроя I при его вступлении на престол в пользу восстановления расторгнутых браков и в защиту детей неизвестного происхождения. Но столь серьезные предписания царя предполагают, что эти напасти в тяжелой форме коснулись именно высших слоев, как и утверждают предания: о семье и имуществе низших классов не стал бы иранский царь столь ревниво заботиться»⁷.

¹ Г р е ц, История евреев, т. 5, стр. 326.

² Там же, стр. 10.

³ Там же.

⁴ «Еврейская энциклопедия», том VII. Зутра, Мар II, ст. 863, Слб.

⁵ Там же, т. XII, ст. 454.

⁶ The Jewish Encyclopaedia, XII, стр. 706, s. v. Zutra, Mar II.

⁷ Н е л ь д е к е, op. cit., стр. 458, 459.

Все эти рассуждения Нельдеке показывают, сколь голословны и беспочвенны суждения историков об общности жен у маздакитов. Движение Маздака было направлено в сторону раскрепощения женщин, освобождения их из гаремов. От этого, как правильно отмечает Нельдеке, могла пострадать только высшая аристократия, обладавшая большими гаремами. У евреев же в рассматриваемое время многоженство существовало лишь в самых незначительных размерах, и то только в высших слоях. Таким образом, если бы дело касалось только чистоты семейной жизни, евреям не понадобилось бы организовать восстание против иранского правительства.

Кроме того, указанная интерпретация повествования о восстании еврейского населения Ирака, как восстания против коммунистических тенденций маздакитского движения, совершенно не согласуется с хронологией истории маздакитского движения. Как уже указывалось выше, начиная с 498 или 499 г., Кавад перестал оказывать поддержку маздакизму; в период же, к которому следует относить восстание, — в 20-х годах VI в. — он вел с маздакитами решительную борьбу. Следовательно, противодействие маздакизму ни в коем случае не могло в этот период привести к восстанию против иранского правительства, против Кавада.

Мы считаем, что рассматриваемое восстание действительно не случайно совпадает по времени с движением Маздака; оно в действительности тесно переплетено, связано с ним, но связано с ним совсем не так, как это изображали исследователи до настоящего времени. Восстание не было вызвано противодействием евреев коммунистическому направлению маздакитского движения, а явилось следствием внутренних противоречий в среде правящего класса еврейского населения Ирака и сильных симпатий к маздакизму со стороны самих еврейских мелких крестьян, арендаторов, издольщиков, наемных работников, ремесленников и, наконец, рабов.

Не правы буржуазные историки, обходя молчанием первую часть повествования — о столкновении экиларха Рав-Гуны со своим тестем, главой академии Ханиной, считая ее простой легендой, не стоящей внимания. В действительности, как нами будет дальше показано, столкновение экиларха Рав-Гуны с Ханиной и последовавшая затем «смерть в доме экиларха» являются вполне определенными звеньями в ряде событий, приведших к восстанию еврейского населения Ирака против иранского правительства. И только анализ обеих частей повествования хроники дает возможность уловить настоящий ход событий и их действительный социальный смысл.

Но для понимания истинного социального смысла этих событий необходимо предварительно рассмотреть подробно классовые отношения в еврейском обществе Ирака в рассматриваемое время и характер взаимоотношений между отдельными слоями правящего класса этого общества на протяжении почти трехсот лет, предшествовавших восстанию Мар-Зутры.

5

Во II—V вв. н. э. многочисленное еврейское население Ирана жило преимущественно в западной провинции этого государства — в Ираке — и было в основном сконцентрировано в нижней Месопотамии и древней Вавилонии, в той части Междуречья, где Евфрат и Тигр наиболее близко сходятся (Кидд. 716 и 72а; Эруб. 22б)¹. Область эта, омываемая многоводными реками — Евфратом с запада и Тигром с востока, в рассматриваемое время была пересечена многими большими каналами, главные из которых

¹ Цитаты относятся к вавилонскому талмуду. Цитаты из иерусалимского талмуда оговорены особо.

вытягивались через всю страну, от одной большой реки к другой; имелось также много небольших рек, озер (Моед Кат. 4а) и прудов. Благодаря всему этому, она была, несмотря на малочисленность осадков, обеспечена обильным орошением и чрезвычайно плодородна (Песах. 54б; Таан. 10а; 11б; 12б; 22б).

Но орошение требовало тяжелого труда. Приходилось сооружать разветвленную ирригационную систему: каналы и рвы (Гит. 60б; Баба Мец. 103а; 107б; 108а) для проведения воды от рек и озер к полям, колодцы, резервуары (Баба Мец. 103а; Баба Бат. 26а) для собирания воды, дамбы, насыпи вокруг рек и каналов для ограждения полей от затопления во время половодья. Необходимо было постоянно заботиться о сохранении всех этих ирригационных сооружений в порядке, об их исправлении и обновлении: очищать реки, каналы и рвы (Баба Мец. 106б), своевременно заделывать промоины, образовывавшиеся часто в дамбах и насыпях и угрожавшие полям и садам затоплением (Баба Мец. 66б; Баба Бат. 41а и б; Хул. 105а), и т. д. Много труда приходилось тратить также и на самую поливку полей, огородов и садов водой из рек, каналов, резервуаров и т. д. Земельные фонды, ввиду большой плотности населения, были очень ограничены; использовался каждый пригодный для земледелия участок земли.

В землевладении преобладала в Ираке, в начале рассматриваемого периода, крупная земельная собственность.

Земля принадлежала, главным образом, немногочисленным представителям земельной знати, сановной аристократии и откупщикам государственных податей, крупные поместья которых обрабатывались в основном рабами.

Начиная со II в., в Ираке появляются новые группы зажиточных землевладельцев, выдвигающиеся из среды торговцев, ремесленников, а иногда и мелких землевладельцев.

Многие из этих зажиточных землевладельцев продолжали заниматься также переработкой сельскохозяйственного сырья, производством тканей, ковров, корзин, пивоварением, виноделием и т. д. Часть их вела одновременно обширную торговлю продуктами сельского хозяйства и изделиями ремесленников, а также различными товарами, привозившимися из близлежащих и далеких стран: по рекам и многочисленным каналам Ирака они отправляли зерно, сезам, вина в менее плодородные местности и в другие страны.

Так, например, землевладелец Абба Арика (он же Рав, ум. в 247 г.), владевший обширным огородным хозяйством (Моед Кат. 12б; Кидд. 39а и б; Баба Бат. 54а), разбогател от пивоварения (Песах. 107а). Землевладельцы Хисда (217—309) и Папа (IV в.) также разбогатели от пивоварения (Моед Кат. 28а; Песах. 111а); каждый из них заявляет: «Если бы я не варил пива, я бы не разбогател» (Песах. 113а). Гуна, который в молодости был мелким землевладельцем, разбогател впоследствии благодаря занятию виноделием и торговле вином (Берах. 5б; Мегилла 27б; 28а; Кетуб. 105а). Упомянутый Папа торговал также сезамом (Гитт. 73а). Сезамом торговал и землевладелец Гуна б. Йошуа (ум. в 410 г.), который закупал соответствующие товары в местностях, расположенных по берегам знаменитого канала *Nehar Malka* (Царский канал), и перевозил их по этому каналу (там же). Абба б. Абба занимался торговлей шелком (Мидраш Сам. 10) и т. д.

Торговые и промышленные прибыли давали этой группе землевладельцев возможность приобретать новые земли, расширять свои земельные угодья, которые они эксплуатировали преимущественно путем сдачи их мелкими парцеллами в аренду или издольщину.

Мелкие землевладельцы имели обычно чрезвычайно незначительные по размерам участки земли, совершенно недостаточные для пропитания своих владельцев. Тяжелое положение мелких землевладельцев, вызывавшееся ничтожными размерами их земельных владений, усугублялось еще налоговым гнетом. Поземельная подать (*tasqa*) и подушная подать (*kraga* или *karga*), которые должен был платить землевладелец, составляли от одной шестой до одной трети доходов¹. Кроме этих податей, существовал целый ряд других повинностей.

Налоговой гнет увеличивался злоупотреблениями откупщиков и сборщиков налогов, которые взимали собираемые ими налоги в еще больших размерах, чем это полагалось по установленным государственным нормам (Сангед. 25б.).

Крупные и зажиточные землевладельцы могли всегда тем или иным путем избавиться от притязаний государственных чиновников и сборщиков податей. Налоговый пресс давил поэтому преимущественно на мелких землевладельцев, окончательно разоряя их. Поля тех, кто не уплатил налогов, продавались государственными чиновниками по взиманию поземельных налогов (*zaharoga*—Баба Бат. 55а), откупщиками налогов или органами местного самоуправления. Чтобы облегчить продажу полей недоимщиков, разрешалось производить такую продажу с аукциона без соблюдения ряда формальностей, обычно требовавшихся для продажи с аукциона (Баба Мец. 108б.).

Не уплатившим налогов угрожало даже полное порабощение. Так, рассказывается, что крупные и зажиточные землевладельцы широко пользовались при Шапуре II (309—380) общегосударственным законом, согласно которому не уплативший поголовной подати порабощается тем, кто уплатил за него этот налог (Баба Мец. 73б.).

Для уплаты налогов, приобретения семян для посева, для пропитания семьи и т. д. мелкие землевладельцы были вынуждены прибегать к займам в счет будущего урожая (там же, 72б) или к предварительной продаже будущего урожая по низкой цене (там же, 73а и 73б), что опять-таки приводило к закабалению мелких землевладельцев крупными и зажиточными землевладельцами, к еще большему их обнищанию. Мелкий землевладелец вел нищенское существование. Указывается, что мелкий землевладелец «принужден питаться солью и *hafurah* (трава после покоса), спать на земле и иметь тяжбы с (более сильными) соседями» (Иебамот 63а), стремившимися захватить часть его мелкого участка, лишить его возможности пользоваться ирригационными сооружениями и водой для поливки поля и т. д.

Институт круговой поруки по уплате налогов, в частности земельных налогов, также служил в руках крупных и зажиточных землевладельцев средством для подчинения мелких землевладельцев и вытеснения их из их земельных участков.

Богатые землевладельцы, получившие во временное пользование земельный участок соседа, бежавшего от тяжести налогов, старались уплатить приходившиеся на долю этого участка налоги за несколько лет вперед, чтобы таким путем обеспечить за собой право на пользование этой землей в течение более продолжительного времени (Гитт. 58б.).

Мелкий землевладелец бывал принужден закладывать свой участок земли как для уплаты налогов, так нередко и для получения ссуды, необходимой ему для ведения его крохотного хозяйства или для пропитания семьи. Такие ссуды давались обычно на срок до десяти лет и даже еще

¹ N ö l d e k e, op. cit., стр. 241, прим. 1.

больший (Баба Мец. 676; 1096), и в течение всего этого времени заложивший землю не имел во многих местностях права выкупать ее (там же, 676). Если даже срок, на который бралась ссуда, не был заранее установлен, в течение года должник во всяком случае не имел права выкупа (Баба Мец. 676; 68а).

В течение всего условленного времени заимодавец пользовался заложеной землей и получал все доходы от нее. Чаще всего он пользовался при этом заложеной землей «без отчисления» (*be-lo peshajta*), доходы, получаемые от заложеной земли, не засчитывались в счет долга (там же, 62а и б). Иногда уславливались, что в течение определенного промежутка времени заимодавец имеет право пользоваться землей даром, а в дальнейшем использование заимодавцем земли будет уменьшать долг (там же, 676; Баба Бат. 38а).

Заклад земельных участков мелкими землевладельцами вел нередко к окончательной потере ими этих участков и к переходу земли в полную собственность заимодавцев. Заимодавцы оказывали на своих должников всякого рода давление, стремясь принудить их в течение времени залога или по истечении этого срока продать им заложённые участки земли.

Чтобы закрепить за собой навсегда находящиеся у них во временном пользовании в качестве залога земельные угодья их должников, крупные и зажиточные землевладельцы пользовались также законом о сроке давности. По этому закону, если земля или другая недвижимость находилась у кого-либо во владении более трех лет, они могли быть признаны его собственностью и без предъявления купчей, по праву давности (*ḥazaqa*). Злоупотребления со стороны заимодавцев законом о праве давности имели место очень часто: они прятали договоры о залогах и объявляли, что земля куплена ими у ее владельца (Баба Бат. 38а; 40б). Мелкие землевладельцы оказывались в зависимости от крупных и зажиточных землевладельцев также в связи с необходимостью искусственного орошения полей, связанного с сооружением сложной ирригационной системы, с необходимостью постоянно поддерживать в порядке эту ирригационную систему, исправлять ее и обновлять. Все это было не под силу мелкому землевладельцу, и потому он зависел от зажиточного соседа; последний тем или иным путем мог вообще в любой момент лишить его источников орошения. Стоило богатому соседу углубить в каком-нибудь месте дно канала, протекающего через его обширные поместья, или иным путем задержать нормальное течение реки или канала, и поля его соседей оказывались лишенными орошения, а их владельцы — обреченными на голод. Этим также пользовались крупные и зажиточные землевладельцы для принуждения мелких землевладельцев к продаже своих земельных участков.

Переходу земли в руки крупных и зажиточных землевладельцев способствовал также существовавший закон о смежном владельце, согласно которому смежный землевладелец пользовался преимущественным правом на приобретение земли, находившейся в соседстве с его владениями (Баба Мец. 108а и б). Ввиду обширности поместий крупных и зажиточных землевладельцев любой продававшийся участок земли неизменно оказывался граничащим с их владениями; тем самым заранее предreshался вопрос о том, кому достанется этот участок.

Ярким примером такого вытеснения мелкого землевладельца из его земельного участка путем окружения этого участка владениями состоятельного соседа является относящийся к IV в. талмудический рассказ о судьбе мелкого землевладельца Ронии (Баба Мец. 109а; Баба Бат. 5а).

Мелким землевладельцам становилось все труднее и труднее противостоять натиску сильных соседей и откупщиков податей и сохранять за

собой имевшиеся у них участки. Все чаще и чаще они оказывались принужденными либо искать себе других источников пропитания, либо продолжать обрабатывать свои прежние участки, но уже не как собственники, а в качестве арендаторов или издольщиков, либо, наконец, перейти на положение наемных работников.

7

Аренда земли среди еврейского населения Ирака имела в рассматриваемое время ряд различных форм и носила соответственно различные названия—в зависимости от того, какие объекты сдавались в аренду и каким способом вносилась арендная плата.

Распространена была, во-первых, форма аренды, при которой размеры арендной платы не зависели от размеров урожая, от доходов арендовавшего. Если при этом арендная плата вносилась в виде определенной денежной суммы, то пользование земельными угодьями, принадлежавшими другому, называлось *šekhirut* (наем). Если же арендная плата вносилась в виде определенного, не зависевшего от размеров урожая количества плодов, то сдача другому земли называлась *ḥakhirut* (аренда—Тосефта Демай, VI, 56, 15, 16).

Арендатор (*ḥokher*) уплачивал арендную плату либо плодами с арендуемого им участка, либо какими-нибудь другими сельскохозяйственными продуктами, в зависимости от условий заключенного с землевладельцем договора.

Арендную плату арендатор обязан был вносить полностью и в годы неурожая, если неурожай затронул лишь арендуемый участок или лишь область, прилегающую к этому участку. Только в случае общего недорода в стране землевладелец должен был несколько уменьшить размеры арендной платы, обусловленной договором об аренде (Баба Мец. 105б). Но и это постановление о снижении арендной платы в случае общего неурожая обуславливалось такими ограничениями, что арендатор очень редко мог им воспользоваться.

Еще более распространенной формой сдачи земли для обработки, чем указанная выше, была издольщина, называвшаяся *arisut* или *qabblanut*, в зависимости как от того, владел ли издольщик орудиями производства полностью, или только частично, так и от того, кто уплачивал государственные повинности: землевладелец или издольщик.

Получивший землю в издольщину за пользование землей обязан был отдавать собственнику земельного угодья определенную часть из получаемого им урожая: от $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ до $\frac{2}{3}$ — $\frac{3}{4}$ урожая.

Издольщик *-aris* не владел орудиями производства или владел ими лишь частично и не обладал средствами, необходимыми для ведения хозяйства: покупки семян и т. д. Такому издольщику одновременно с землей землевладелец давал также некоторые орудия производства (Баба Мец. 103б). Что же касается семян для посева, то в талмудической литературе указывается, что в разных местностях существовала различная практика: в одних местах семена должен был давать издольщику землевладелец, а в других—сам издольщик обязан был заботиться о семенах (там же, 74б).

В действительности, и в тех местностях, где было установлено, что издольщик должен сам заботиться о семенах, семена давал землевладелец, так как издольщик обычно не имел необходимых для их приобретения средств. Обязанность издольщика давать семена означала лишь то, что семена покупались за его счет, а потраченные на их покупку деньги приписывались к долгу издольщика землевладельцу. При снятии урожая потраченная на покупку семян сумма,—несомненно, с начислением на

нее соответствующих процентов,—должна была быть высчитана в пользу землевладельца из полагавшейся издолящику части урожая. Таким образом, издолящик с самого начала оказывался должником землевладельца и попадал в полную зависимость от него.

В неурожайный год издолящику иногда могло быть невыгодно заниматься уборкой плохого урожая, так как доля плохого урожая, которая должна была остаться у него, не окупала даже затраты труда на уборку. Землевладельцу, не затрачивавшему на уборку никакого труда, было, однако, выгодно получить свою долю и из самого низкого урожая; поэтому он имел право заставлять издолящика довести работу до конца (Тосефта Баба Мец. IX, 13, 391, 34, 35, 392, 1, 4).

Часть урожая, следуемого землевладельцу, издолящик обязан был доставлять ему в виде полностью обработанной продукции: урожай поля — вымолоченным, провеянным и сметенным в кучу зерном; урожай винограда — вином и т. д. (Баба Мец. 1036).

Арендатора или издолящика, нарушившего условия договора или правила местных обычаев, землевладелец мог удалить с занимаемого им участка земли. При этом он мог удалить его даже в середине года, лишив его, таким образом, плодов многих месяцев тяжелого труда, а часто и значительных средств, вложенных в поле. Та же участь постигала арендатора и издолящика, когда землевладельцу почему-либо казалось, что он вообще недостаточно старательно заботится о взятом им в аренду или издолящину участке земли, недостаточно интенсивно обрабатывает его.

Таким образом, в рассматриваемое время в Ираке складывались иные, новые отношения, отличные от отношений предыдущего периода.

Мелкое землевладение вытесняется крупным; большинство мелких землевладельцев обезземеливается, лишается своего хозяйства и переходит на положение арендаторов, издолящиков или наемных работников. Остальные теряют большую часть своих земельных участков и сохраняют лишь ничтожное, карликовое хозяйство, недостаточное для существования. Вследствие этого, зацутавшись в многочисленных долгах, они попадают в кабалу к крупным землевладельцам, оказываются в полной зависимости от них.

В то же время многие рабы также прикрепляются непосредственно к земле — выделяются землевладельцами на самостоятельные участки с предоставлением им права пользоваться частью урожая или с условием выдачи им определенного количества продуктов.

На смену разлагающемуся рабству и все более и более вытесняемому мелкому землевладению приходят аренда и издолящина и отчасти наемный труд.

Издолящики, помимо прямых обязанностей по обработке взятой в издолящину земли и по предоставлению землевладельцу большей части урожая, имеют еще и другие, дополнительные обязанности по обслуживанию землевладельца и иногда по обработке его полей, не сданных им в аренду или в издолящину.

В результате резкой социальной дифференциации земледельческого населения, гнета крупных землевладельцев и беспощадной эксплуатации непосредственных производителей обострялась классовая борьба.

Классовая борьба между крупными землевладельцами и непосредственными производителями усложнялась противоречиями среди самих землевладельцев. Все более усиливались противоречия между земельной знатью, сановой аристократией и откупщиками податей, с одной стороны, и появившимися новыми зажиточными землевладельцами — с другой. В то время как первые являлись представителями отсталого рабского способа производства, последние пользовались, главным образом, трудом арендаторов, издолящиков и наемных работников. Нуждаясь в земельных

площадах, новые группы землевладельцев стремились получить доступ к законсервированным наследственным поместьям земельной знати.

Еврейское население Ирака на протяжении ряда столетий пользовалось значительной самостоятельностью: управлялось общим для всех провинций иранского государства наследственным экилархом (Rōš galah—глава диаспоры, или, по-арамейски, Reš galuta), своего рода наместником Иранского государства среди еврейского населения, руководствовалось в известной мере особой юрисдикцией и т. д. Объяснялось это не только удельным весом еврейского населения в Ираке в смысле его количества, но в не меньшей степени и той ролью, которую оно играло в экономической жизни страны: в земледелии, ремесленном труде, во внутренней и внешней торговле и т. д., а также особым значением Ирака как провинции, находившейся на крайнем западе Ирана и граничившей с Римом.

Функции экиларха были весьма обширны: он осуществлял надзор за порядком в деревнях и городах, населенных евреями, за ходом торговли на рынках, регулировал цены (Баба Бат. 89а) и т. д. Экиларх являлся верховным судьей для всех иранских евреев, важнейшие тяжбы разбирал сам, для разбора обыкновенных дел назначал для каждого района и города особых судей. Он имел право «палки и кнута» (Горайот 11б), мог наказывать подчиненных ему самым суровым образом (Сангед. 27а и б); выносил даже смертные приговоры, хотя официально при Сасанидах он был лишен этого права (Баба Камма 117а). Экиларх представлял еврейское общество и его интересы перед царем и высшими государственными сановниками и собирал от еврейского населения подати для государства.

Экиларх жил с чрезвычайной пышностью (Иер., Мегилла III, 2,74а; Гитт. 7а), был окружен многочисленной свитой, имел непосредственный доступ к царю (Иер. Берах. II, 4, 5а; Зебах. 19а). Доходы экиларха составлялись из особых сборов, взимавшихся с еврейских общин всего Ирана. Кроме того, экилархи и члены их рода владели большими земельными поместьями и большим числом рабов.

Являясь сами крупными землевладельцами, экилархи представляли земельную знать, высшую сановную аристократию и крупных откупщиков и опирались на них. Растущая сила выдвигающихся новых зажиточных землевладельцев заставила экилархов, начиная с III в. н. э., искать примирения с ними, принуждала их искать себе опору в среде их представителей—глав талмудических школ.

К началу V в. представители нового слоя землевладельцев полностью захватили власть в свои руки, подчинили себе экилархов (Гитт. 59а). Экиларх Укбан и другие современники главы талмудической школы в Мата-Махсии (близ Суры) Аши (332—427) были вынуждены даже перенести в Махсию, резиденцию Аши, устраивавшиеся ими ежегодно осенние торжественные приемы представителей еврейских общин¹. Однако сановная аристократия вовсе не сложила окончательно оружия, а ожидала подходящего момента для восстановления своей власти и своего влияния в еврейском обществе.

8

Анализ социальной структуры правящего класса еврейского общества Ирака и взаимоотношений его различных слоев дает возможность понять настоящий смысл приведенного выше повествования древней хроники и восстановить картину событий, которые разыгрались в еврейском обществе Ирана в первой половине VI в. н. э.

В связи с изменением отношения Кавада I после его возвращения к власти в 498—99 гг. к высшей знати Ирана в сторону примирения с ней и еврей-

¹ Iggeret rab. Šerira Gaon, стр. 36.

ская аристократия стала пытаться вернуть себе прежнее влияние среди еврейского общества. Эти попытки, проявившиеся, в частности, в назначении экилархом неугодных зажиточным землевладельцам чиновников и судей, привели к столкновению экиларха с главой академии Ханиной. В результате экиларх Рав-Гуна и его приближенные были убиты. Осталась жива жена экиларха, дочь Ханины, и ее малолетний сын Мар-Зутра; Ханина взял к себе своего внука, сына экиларха Рав-Гуны, и воспитывал его в духе той социальной группы, которую он представлял.

После Рав-Гуны экилархом некоторое время был, согласно дальнейшим указаниям повествования, некто Пахта, дальний родственник прежнего экиларха. Затем экилархом стал Мар-Зутра, ставленник Ханины и представляемой им группы.

Борьба между старой знатью и появившимися новыми зажиточными среднепомещичьими слоями все-таки продолжалась. Старую знать в этот период поддерживало иранское правительство. Поэтому, когда при очередном столкновении был убит Исаак, один из видных представителей средних землевладельцев, Мар-Зутре пришлось выступить также и против правительства.

Восстание еврейского населения Ирака против иранского правительства произошло, таким образом, из-за того, что в происходившей острой классовой и внутриклассовой борьбе в самом еврейском обществе Кавад стал на сторону старой знати и крупных землевладельцев в их борьбе против усиливающихся средних землевладельцев и зажиточных торговцев. И поскольку восстание было направлено главным своим острием против старой знати, против крупных землевладельцев, оно имело прогрессивный характер.

Утверждения буржуазных исследователей о том, что восстание было направлено против коммунистических идей маздакитского движения, опровергаются правильно построенной хронологией соответствующих исторических событий.

К 522—523 гг., когда произошло восстание, симпатии Кавада к коммунистической проповеди Маздака давным-давно испарились. Следовательно, евреям, боровшимся, по словам указанных историков, якобы исключительно с коммунистическими идеями Маздака и его проповедью общности женщин, незачем было бы восставать против Кавада. Ведь в это время уже Кавад сам только выжидал подходящего момента и предлога, чтобы нанести маздакитскому движению, становившемуся опасным для господствующих классов, сокрушительный удар и окончательно ликвидировать его.

О правильности нашего понимания характера и смысла восстания еврейского населения Ирака красноречиво говорит тот факт, что среди восставших оказалось впоследствии немало ярых маздакитов.

Об этом свидетельствует и сама хроника, указывающая, что «в конце семи лет грешили дитки, бывшие с ним» — с Мар-Зутрой. Слово «дитки» до сих пор не могли расшифровать. Грец и другие исследователи предлагают ряд вариантов толкования его, которые, с одной стороны, требуют коренного изменения самого слова, а с другой — вносят мало ясности в смысл данного предложения. Мы считаем, что правильнее всего изменить первую букву «д» в «з» — эти буквы весьма схожи в еврейском начертании и потому легко могли быть спутаны переписчиками, а третью букву «т» в «д» — эти буквы созвучны, а потому в мандейском, например, языке «д» ассимилируется и переходит в «т»¹. Тогда мы получаем слово «зидки» — «зиндики» или «зандики», которое «в арабской литературе III в. гид-

¹ T h. N ö l d e k e, Mandäische Grammatik, Halle, 1875, § 46, стр. 43 и § 93, стр. 106—107.

жры (IX в. н. э.), помимо общего значения еретика, часто служило специально еще и для обозначения манихеев, хорошо известных тогдашнему арабскому обществу»¹; под манихеями же подразумевались также и маздакиты.

В повествовании указывается: «Грешили dntqj, бывшие с ним, и застали их, что пьют не-еврейское вино и блудят...» Для хрониста IX в. вполне естественно представление о маздакитах, как о стремящихся к общности жен и разврату. Мы же имеем полное основание предположить, что «грех» состоял в том, что они вошли в сношения с маздакитами из не-евреев и, не довольствуясь победой над знатью, стремились при их помощи реализовать принципы равенства, проповедуемые маздакизмом, разделить между собой земли не только знати, но и зажиточных землевладельцев и уничтожить существующие кабальные арендные условия. Это стремление евреев-маздакитов привело, естественно, к более резкому расслоению между недавними союзниками.

После семилетнего самостоятельного существования еврейское государство пало, экиларх и Ханина были приведены в город Махова, находившийся вблизи сасанидской резиденции Ктесифон, и повешены на мосту города, а город экиларха, вероятно Пумбадита, центр еврейского населения в Ираке, был разгромлен.

В результате еврейского восстания под предводительством экиларха Мар-Зутра в еврейском обществе Ирака произошли значительные социальные изменения. Главный удар при подавлении восстания был, несомненно, направлен в первую голову против евреев-маздакитов. Влияние же средних зажиточных землевладельцев не уменьшилось, а, наоборот, должно было еще увеличиться. Могущество земельной знати и других слоев крупного землевладения было окончательно подорвано. На протяжении всего VI и начала VII в., вплоть до арабского завоевания Ирана, значение экилархов было ничтожно, так как власть в еврейском обществе находилась в руках зажиточных среднепомещичьих слоев землевладельцев и их представителей.

Аналогичные изменения произошли, по мнению Бартольда, после маздакитского движения и в социальной структуре всего Ирана².

¹ В. Розен, Два слова о значении слова «зиндик». ЗВОРАО, VI, стр. 336, 337. СПб., 1892.

² В. В. Бартольд, К истории крестьянских движений в Персии. Из далекого и близкого. Сборник в честь 50-летия ученой деятельности Н. И. Кареева, Петроград—Москва, изд. «Мысль», 1923.

